

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ «ДРУГОГО»: ОРУЖИЕ МОНГОЛОВ, КАК
ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР ВО ФРАНЦУЗСКИХ МИНИАТЮРАХ
XIV-XV ВВ²¹.**

Санкт-Петербургский государственный университет

Shishka E.A.

**VISUALIZATION OF THE «OTHER»: MONGOL WEAPONS AS AN ETHNIC
AND SOCIAL MARKER IN FRENCH MINIATURES OF THE XIV-XV CENTURIES.**

St. Petersburg State University

Аннотация: В данной статье рассматриваются различные виды вооружения, как важнейшие визуальные элементы изобразительного образа монгольских завоевателей и маркеры категорий «свой/чужой» в эпоху готической миниатюры. Источниковую базу исследования представляют в первую очередь иконографические источники - 15 иллюминированных (иллюминированных) французских рукописей, хранящиеся в фондах Национальных библиотек и музеях Российской Федерации, США и стран Европы. Сопоставление изобразительных памятников с латинскими старофранцузскими и армянскими письменными источниками позволяет констатировать, что в средневековых книжных миниатюрах изображение оружия имело свой культурный код, играя роль социального и этнического маркера. В отношении монголов изображение различных видов оружия могли воплощать некоторые текстовые описательные характеристики в более сжатом виде - искусное умение стрелять из лука; сакральность высшей ханской власти, социальную стратиграфию кочевого общества. Также в данной статье отмечается, что изображаемые предметы вооружения могли выступать маркером «другого» или «чужого», подчеркивая восточное происхождение, иноверие и инородчество монголов.

Ключевые слова: Монгольская Империя, Европа, средние века, книжные миниатюры, средневековое искусство, ималология, монголы.

Abstract: This article discusses various types of weapons, as the most important visual elements of the visual image of the Mongol conquerors and markers of the categories «friend/foe» in the era of Gothic miniature. The source base of the research is primarily represented by iconographic sources - 15 illuminated French manuscripts stored in the collections of National Libraries and museums of the Russian Federation, the United States and European countries. Comparison of pictorial monuments with Latin Old French and Armenian written sources allows us to state that in medieval book miniatures, the image of weapons had its own cultural code, playing the role of a social and ethnic marker. In relation to the Mongols, the depiction of various types of weapons could embody some textual descriptive characteristics in a more concise form - the skillful ability to shoot a bow; the sacredness of the highest Khan power, the social stratigraphy of a nomadic society. It is also noted in this article that the depicted items of weapons could act

²⁰ Шишка Евгений Александрович — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

²¹ Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда (проект «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219 - 1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)» № 21-18-00166).

as a marker of «other» or «alien», emphasizing the Eastern origin, non-religion and foreignness of the Mongols.

Keywords: *Mongol Empire, Europe, Middle Ages, book miniatures, medieval art, imalology, Mongols.*

Проблема расширения поля источников – одна из самых актуальных для изучения средневековья, потому что потенциал письменных источников в значительной степени исчерпан, а надеяться на их существенное расширение не приходится. Следовательно, поиск нового знания лежит в области применения новых методов, новых способов извлечения информации из источников, и в сфере привлечения новых типов и видов источников, которые раньше привлекались в меньшей мере.

Восприятие «другого» можно изучать по письменным, устным и изобразительным источникам. Но если изучению христианских представлений о монголах в исторических и литературных произведениях и уделялось определенное внимание [31; 18], то иконографические документы зачастую использовались лишь, как иллюстрации к тексту и рассматривались как нечто второстепенное. Исключением могут послужить только работы конца XX – начала XXI веков некоторых немецких (Ф. Райхерта [38], Ф. Шмидера [42], С. Мюллера [35]), американских (Дебры Хиггс Стрикленд [39;40]), польских (В. Свентонславского [41]) историков, которые одни из первых уделили значительное внимание анализу изображений монголов в средневековой европейской традиции и обратились к проблеме нахождения и анализа т.н. «визуальных знаков» [34, р. 229], с помощью которые в средние века христианские миниатюристы отделяли «своих» от «чужих». Отдельно также стоит выделить диссертацию, написанную на ее основе в 2002 году монографию [33] и ряд научных статей [10;11;12] белорусского ученого А.В. Мартынюка, в которых впервые были введены в научный оборот манускрипты из собраний библиотек и музеев Европы и США и поднят вопрос о важности изучения средневековых изображений, как источника по истории Монгольской империи и постимперских государственных образований. Однако в вышеприведенных работах не было уделено внимание изображениям монголов на французских миниатюрах XIV-XV вв. Лишь некоторые аспекты, в большей степени связанные с попытками обнаружить в средневековых изображениях отражение каких-либо реальных исторических свидетельств о монголах, были рассмотрены историками.

В основе нашего исследования лежит подход американского искусствоведа М. Камилла, рассматривающего произведения средневекового изобразительного искусства, как отражения эпохи, ее материальной культуры и интеллектуальных ценностей [24;25]. Образ «Другого» рассматривается с учетом субъективного момента восприятия действительности. Подход предполагает изучение не того, что было «на самом деле», а того, что было принесено в описываемую ситуацию средневековыми книжниками. То есть в центре нашего внимания не описываемая реальность, а тот образ «Другого», в частности «монголов», который был создан парижскими миниатюристами и авторами в XIV-XV вв. Модель нашего анализа содержания миниатюр, основана на методике немецкого исследователя Эрвина Панофски [36;37], согласно которой первый этап — включает идентификацию на изображении отдельных предметов и событий, это т.н. доиконографическое описание. Второй — иконографический анализ — предполагает раскрытие конкретного значения деталей изображения, запечатленных тем и аллегорий. Третий — иконологическая интерпретация — имеет целью расшифровку значений, репрезентации смыслов, не осознаваемых художником и способных воплотить дух времени или нации.

Переходя непосредственно к заявленной в названии проблематике, важно отметить, что принципы визуализации врага в эпоху позднего Средневековья всецело определялись идеологически заданной системой и были призваны отображать не саму действительность, а то, что соответствовало этой идеологической истине [8, с.128]. В эпоху позднего Средневековья «чужой» конструировался из четко определенного ряда элементов с отрицательными коннотациями, причисляемыми в контексте именно этого периода как буквально, так и иносказательно [17, с. 149]. Как в свое время заметил норвежский исследователь И. Нойманн: «Коллективная идентичность существует благодаря тому, что отделяет одних людей от других при помощи определенных маркеров» [13, с. 14]. На наш взгляд, одним из таких маркеров, применяемых французскими миниатюристами в отношении монгольских завоевателей, являлись предметы вооружения кочевников, с которыми их изображали в батальных, церемониальных, дипломатических и других сценах.

Не вызывает сомнений, что в рассматриваемую эпоху оружие играло чрезвычайно весомую роль не только в военном деле, но и в культуре [23, с. 77]. Выйдя далеко за пределы основного назначения, в XIV-XV вв. оружие стало значимой категорией культуры. На французских книжных миниатюрах оружие является неотъемлемой частью образа монгольских завоевателей. Оно подчеркивает их социальный статус, воинственность, «дикость», этническую принадлежность.

Наиболее характерным оружием монголов в миниатюрных сценах манускриптов является - лук и стрелы. В рукописи «Цветника историй земель Востока», созданной в 1350 году, лук являлся главным военным атрибутом монголов [28, fol. 22v, fol. 23r, fol. 24r, fol. 26r, fol. 26v, fol. 28r, fol. 28v, fol. 29r, fol. 29v, fol. 34v, fol. 46r, fol. 47r, fol. 47v]. По мнению С.И. Лучицкой, изображая персонажей с данным предметом вооружения, миниатюристы подчеркивали их варварство. На наш взгляд, такое замечание является верным в отношении изображения мусульман и различных народов, исповедовавших язычество. В отношении монголов лук являлся этническим маркером. Такому статусу, наш взгляд, он обязан, в первую очередь, армянским и европейским представлениям о воинском искусстве монгольских завоевателей. Столь частое изображение данного типа вооружения в вышеупомянутых рукописях связано с их автором - Хайтоном из Корикоса (Гетумом Патмичем), киликийским государственным деятелем, бежавшем в начале XIV века в Европу.

В армянской традиции монголы зачастую именовались, как «народ стрелков». Такое наименование монголов встречаем в главном сочинении армянского инок Григора Акнерци (Магакия) «Истории народа стрелков» [5, с. 17], во «Всеобщей истории» Вардана Аревелци [3, с. 138], «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци [7, с.191] и др. Собственно и в самом сочинении Хайтона из Корикоса, записанном по повелению папы Климента V Николаем де Тулем на старофранцузском языке, содержится весьма подробное описание монголов, как изысканных воинов-стрелков: «Сражение татар весьма опасно, и в одной маленькой войне татар погибает больше, чем в другой войне других народов. И это происходит из-за стрел, которые они метают сильно и прямо. И они настолько обучены искусству метания стрел, что их стрелы пробивают почти все виды защитного вооружения» [19, с. 219].

Но описание монголов, как непревзойдённых лучников встречаем и в текстах европейских авторов. Так, еще в 1239 г. некий венгерский прелат писал епископу Парижа Гийому д'Оверну: «Они стреляют из лука лучше, чем венгры и куманы, и у них более мощные жилы» [20, с. 404; 22, с. 408]. Аналогичное описание содержится и в сочинении средневекового хрониста Матвея Парижского: «Они изумительные стрелки из лука» [21, с. 416]. «Они стреляют из лука в два раза лучше, чем другие люди» [2, с.148], - отмечено в послании анонимного иерусалимского патриарха, епископу Констанца. Данная

характеристика отмечена также в послание папы Григория IX архиепископу Эстергома [16, с. 309], «Письме об образе жизни тартар» доминиканского миссионера Юлиана [14, с.390] и др [15, с.171].

Сопоставление с текстовыми описаниями, позволяет с большой долей вероятности говорить о том, что и в книжных миниатюрах лук выступает не символом «дикости», как в отношении сарацин и кочевых народов древности, а этническим маркером монголов. Лук противопоставляется копьям, мечу и другим видам оружия, которым наделены противники монголов. Изображение лука, как символа монголов – это характерная черта. Она прослеживается не только в рукописях «Цветника историй Востока», но и в ряде других средневековых манускриптах. Таких как, «Книга Чудес» [32, fol. 59] и «Большие Французике хроники», созданных в XV веке в окрестностях Парижа [27, fol. 237r].

Важно также отметить, что семантика оружия, как и других этнических и социальных маркеров, зависела от ситуации. Лук и стрелы – не единственный вид вооружение, с которым изображены монгольские завоеватели на французских средневековых миниатюрах. На страницах рукописях при визуализации монголов не редко встречается такой предмет вооружения, как меч. В эпоху Средневековья меч считался самым сакральным оружием. Меч всегда служил символом воинственности, героического начала, силы, правосудия [23, с. 78]. Из-за своей дороговизны и доступности только наиболее богатым представителям средневекового общества, меч также выступал, как атрибут исключительно высшего сословия. В средние века меч был символом состоятельности и «благородного» происхождения, символом рыцарства. Существует также идея, согласно которой меч в сознании средневекового человека является олицетворением креста [28, с.79].

Но вряд ли меч в руках монгольских правителей олицетворялся, как крест или символ рыцарства. Анализ огромного количества предметов вооружения, обнаруженных во время археологических раскопок, также свидетельствует о том, что меч не был характерным оружием для монгольской военной знати. Изображение монголов, держащих в руках меч, безусловно, имеет исключительно культурный смысл.

Иконографический анализ книжных миниатюр позволяет констатировать, что меч мог выполнять роль «карающего» орудия и выступать символом высшей власти [29, fol. 18v, fol.184v, fol. 263r; 32, fol. 246v]. Средневековые миниатюристы демонстрируют меч в разных положениях – острием вниз, острием вверх и направленным на противника [30, fol. 77v, fol. 83, fol. 84, fol. 103]. Им владеют или ханы или представители монгольской военной элиты («бароны», как нередко их именует европейские авторы XIV-XV вв.) [28, fol. 21v, fol. 22r, fol. 25v]. На наш взгляд, семантика «монгольского меча» основана на символизме меча короля Франции. Как отмечает зарубежный исследователь Н. Жюльен, меч французского монарха символизировал вертикальную ось, которая связывала небо и землю и указывала монарху на его долг быть воистину справедливым; выполнение последнего позволяло ему поддерживать вечный порядок вещей [6, с. 249]. Такое представление о высшей власти в Европе переносилось и на представления европейских книжников о власти на Востоке, в частности, в Монгольской империи и постимперских государственных образованиях – Улусе Джучи и Хулагуидском Иране - потенциальных союзников в борьбе за Святую землю и торговыми партнерами. Такой образ «правителя» создавался для главного читателя рукописи – заказчика в лице французского короля и его герцогов, главных организаторов Крестовых походов.

Другим символом высшей власти, который нередко встречаем во французских книжных миниатюрах, является трость или же скипетр - атрибут и символ царского достоинства. Первообразом для него послужил пастушеский посох или жезл, ветви или ритуальные дубины [1, с. 246]. Трость — также столп, отсылающий к образу Axis mundi,

означающий единство и непоколебимость, на котором «должна утверждаться священная трапеза» [4, с. 20]. На ряде миниатюр с данным атрибутом изображены монгольские правители [26, fol. 441]. Такой образ хана с «царским посохом», обладающим типологическим сходством с архипастырским посохом, должен был подчеркнуть сакральный характер власти восточного властителя.

С оружием в руках изображалась не только монгольская знать, но и монгольские воины, в особенности в батальных сценах. Помимо вышерассмотренных предметов вооружения представляется возможным также выделить сабли [32, fol. 34, fol.37, fol.38, fol. 58r, 93v, fol. 242v, fol. 276; 29, fol. 101r, fol. 119v, fol. 135r], секиру [32, fol.244] и боевые топоры [32, fol 247v, 280; 29, fol. 184v]. Такие виды оружия играли, как социальную роль, так и этническую. С одной стороны, наряду с мечом и посохом они указывали на социальную стратиграфию. Монгольский воин вооруженный саблей или секирой был ниже по статусу, в отличие от тех, в руках которых был меч или трость.

С другой стороны, изображая с такими типами боевого вооружения французские миниатюристы подчеркивали восточное происхождение и принадлежность к восточной культуре. Такой типаж оружия характерен для изображения иноверцев и инородцев в эпоху позднего Средневековья. Изображая монголов с саблей, секирой или топориком, средневековый художник подчеркивал его «инаковость», отличительность от воинов европейских, в особенности, рыцарства.

Таким образом, в средневековых книжных миниатюрах изображение оружия имело свой культурный код, играя роль социального и этнического маркера. В отношении монголов изображение различных видов оружия могли воплощать некоторые текстовые описательные характеристики в более сжатом виде, например, искусное умение стрелять из лука; оружие подчеркивало сакральность высшей ханской власти, являлось инструментарием социальной стратиграфии кочевого общества; а также изображаемые предметы вооружения выступали маркером «другого» или «чужого», подчеркивая восточное происхождение, иноверие и инородчество.

Список источников и литературы

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И. С. М.: Республика, 1996. 335 с.
2. Более полная копия предыдущего послания, содержащаяся в письме Уго, кардинал-пресвитера церкви Святой Сабины, епископу Констанца//Хаутала Р.В. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.146-150.
3. Вардан Великий «Всеобщая история», часть IV// Золотая Орда в источниках. Том V. Армянские источники. М.: Наука, 2019. С. 122-215.
4. Гудков А.Г. Трость и свиток: инструментарий средневекового книгописца и его символично-аллегорическая интерпретация//Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. Вып. 1 (13). С. 19-46.
5. Григор Акнерци «История народа стрелков»// Золотая Орда в источниках. Том V. Армянские источники. М.: Наука, 2019. С. 17-121.
6. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал Л.Т.Д., 1999. 497 с.
7. Киракос Гандзакети История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 359 с.
8. Луцицкая С.И. Воображаемая геральдика сарацин: цвета и фигуры // SIGNUM. 2010. Выпуск 5. С. 117-128.

9. Лучицкая С.И. Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 398 с.
10. Мартынюк А.В. Западный поход монголов 1236-1242 гг. Опыт визуальной реконструкции // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. М: Издательство Марджани, 2013. С. 166-177.
11. Мартынюк А.В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV в. // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М.: Нумизматическая Лит., 2008. С. 79–83.
12. Мартынюк А.В. Формы и уровни идентичностей в визуальных нарративах Лицевого летописного свода // Нарративы Руси конца XV – середины XVIII вв.: в поисках своей истории. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 190-207.
13. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
14. «Письмо об образе жизни тартар» доминиканского миссионера Юлиана// Хаутала Р.В. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.372-397.
15. Письмо, приписываемое аль-Кинди и предостерегающее Теодора из Антиохии, «философа» императора Фридриха II Гогенштауфена, о грядущем нашествии «тартар Гога и Магога» // Хаутала Р.В. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.165-174.
16. Послание папы Григория IX архиепископу Эстергома с повелением принять неотложные меры по защите прав церкви и христиан в королевстве Венгрии// Хаутала Р.В. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.306-311.
17. Родионова О. В. Чужой, иной, другой - семантический ряд межкультурного диалога// Вестник МГЛУ. 2015. Выпуск 13 (724). С. 145-159
18. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 191–228.
19. Фрагменты из «Цветов историй краев востока» («*Flos historiarum partium Orientis*») Хайтона из Корикоса // Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341)/ Общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. С.198-224.
20. Фрагмент из «Великой хроники» Матвея Парижского, содержащий письмо некоего венгерского епископа с сообщением о наступлении монголов// Хаутала Р.В. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.402-406.
21. Фрагмент из «Великой хроники» Матвея Парижского с описанием наступления монголов// Хаутала Р.В. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.413-417.
22. Фрагмент из «Анналов Уэйверлейского аббатства», содержащий письмо некоего венгерского епископа с сообщением о наступлении монголов// Хаутала Р.В. От «Давида,

царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.406-409.

23. Шехурин Д.Ю. О сакральности оружия в культуре Средневековой Европы// Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 1 (16). С. 77-83.

24. Camille M. *The Gothic Idol: Ideology and Image-Making in Medieval art*. New York: Cambridge University Press, 1989. 407 p.

25. Camille M. *Image on the Edge (the Margins of Medieval Art)*. London: Reaktion Books, 1992. 176 p.

26. Gonzalo de Hinojosa Chronicle. Royal 19 E VI f. 441

27. *Grandes Chroniques de France*. Bibliothèque nationale de France, département des Manuscrits, Français 2813.

28. Hayton, *La fleur des histoires de la terre d'Orient*. Österreichischen Nationalbibliothek, French Codex HS 2623.

29. Hayton, *La fleur des histoires de la terre d'Orient and Marco Polo Le livre des merveilles d'Asie*. France, ca. 1410-1412. MS M.723.

30. *Historia de proeliis*, translated in French as *La vraie ystoire dou bon roi Alixandre*, and other romances. Royal 19 D I.

31. Jackson P. *The Mongols and the West: 1221-1410*. London and New York: Routledge, 2005. 448 p.

32. *Livre des merveilles*. France, ca. 1410-1412. Bibliothèque nationale de France. Fr2810.

33. Martyniuk A. *Die Mongolen im Bild : orientalische, westeurop. u. russ. Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches u. seiner Nachfolgestaaten im 13.-16. Jh.* Hamburg: Kovač, 2002. 217 s.

34. Mellinkoff R. *Outcasts Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages*. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1993. 397 p.

35. Müller C., Ott B. *Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen (exhibition catalogue)*. München: Hirmer, 2005. 432 s.

36. Panofsky Er. *Meaning in the Visual Art Papers in and on Art History*. New York: Doubleday, 1955. 362 p.

37. Panofsky Er. *Studies in Iconology: Humanist Themes in the Art of the Renaissance*. New York: Oxford University Press, 1939. 262 p.

38. Reichert F. *Begegnungen mit China. Die Entdeckung Ostasiens im Mittelalter*. Sigmaringen: Thorbecke, 1992. 354 s.

39. Strickland D. H. *Saracens, Demons, & Jews. Making Monsters in Medieval Art*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. 171 p.;

40. Strickland D. H. *Images of Medieval Sanctity*. Leiden: Brill, 2007. 271 p.

41. Świętosławski V. *Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów (XII-XIV w.)*. Acta Archaeologica Lodziensia. nr 40. Łódź, 1996. Pp. 7-114

42. Schmieder F. *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes ivom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: J. Thorbecke, 1994. 396 s.